

Саṭват ан-наṣс: хитāб ал-Азхар ва азмат ал-хукм

Гиза: издательский дом Сефсафа (Sefsafa), 2016. 296 стр.

БАСМА АБДЕЛ АЗИЗ (BASMA ABDEL AZIZ)

Академическая литература на тему улемов и арабских восстаний за редким исключением странным образом обходит молчанием ал-Азхар и его шейха д-ра Ахмада ат-Таййеба. В основном оставленная без внимания (преимущественно из-за того, что написана на арабском) «Саṭват ан-наṣс: хитāб ал-Азхар ва азмат ал-хукм» («Сила текста: дискурс ал-Азхара и кризис правления») тем не менее представляет собой ценный вклад в литературу в этом отношении.

Басма Абдел Азиз – писатель, психиатр, художник и правозащитник – изначально писала эту книгу как магистерскую диссертацию по социологии. Однако репрессивный режим переворота 2013 г. создал атмосферу страха, которая распространилась на египетские академические учреждения, которые не приняли ее критики официального нарратива. Она решила отказаться от получения степени и опубликовать свою диссертацию как книгу, обращенную к более широкой аудитории.

Побуждаемая противоречиями в дискурсе официальных институтов и опираясь на методы критического анализа дискурса, автор анализирует выступления ат-Таййеба/ал-Азхара во время ключевого политического периода июня-августа 2013 г.

Автор также опирается на интервью с некоторыми выдающимися улемами ал-Азхара, которые были вовлечены в написание этих выступлений или были знакомы с руководством в тот период. Книга имеет два основных аналитических фокуса: (1) дискурсивное построение ал-Азхаром своей идентичности и (2) его положение в иерархии власти по отношению к правящей политической власти и оппозиционным группам.

Книга начинается с предисловия, написанного д-ром Эмадом Абдул Латифом, профессором риторики и дискурсивного анализа Катарского университета, и вступления. Автор завершает книгу приложениями, которые включают все проанализированные первичные и вторичные выступления, в дополнение к краткой информации, касающейся проведенных автором интервью. Основная часть работы состоит из шести глав: введение, контекстуализирующая глава, обсуждающая основные (и связанные с ал-Азхаром) общественно-политические события между восстанием 25 января 2011 г. и августом 2013 г.; глава о методах, включая ее критические термины (самоописание, изображение других, использование местоимений и артиклей, интертекстуальность); две главы, являющиеся аналитическим стержнем книги; и шестая глава, предлагающая заключение.

Четвертая глава анализирует построение идентичности ал-Азхара. Во-первых, автор показывает, каким образом ал-Азхар отождествляется с его шейхами, которые олицетворяют ал-Азхар и говорят от его имени. Единственным возможным исключением, предполагает автор, может быть выступление ат-Таййеба в день переворота, к которому его заставили присоединиться. Там он использовал местоимение первого лица, поддерживая переворот, не ссылаясь на ал-Азхар, чье руководство включало ярого противника переворота д-ра Хасана аш-Шафи'и, ушедшего в отставку после переворота старшего советника ат-Таййеба. Автор также показывает, как ал-Азхар конструировал свою идентичность на стыке религиозных, политических и национальных сфер. Здесь его религиозная идентичность кажется существенной в том смысле, что (как объясняет автор) легитимизация ал-Азхара оппозиции Мурси (принадлежащего к «Братьям-мусульманам» избранного президента) была продиктована его желанием монополизировать религиозный авторитет, который оспаривался «Братьями». Это объясняет противоречивую позицию ал-Азхара в делегитимизации протестов против Мубарака/Омара Сулеймана в 2011 г. и против Верховного совета вооруженных сил в 2012 г.

Соотношение сил – тема пятой главы. Реакции/меры ал-Азхара в те три месяца были неоднозначными, демонстрируя как подчинение, так и сопротивление политической власти. Сопротивление ал-Азхара было замечено в его решительном тоне после переворота: требуя «немедленного освобождения политических заключенных», немедленного начала всеобъемлющего национального примирения, осуждая использование смертоносной силы (описывая это как «кровавые акции») и призывая к «немедленному наказанию ответственных преступников, независимо от их принадлежности или положения». Придание легитимности протестам против Мурси 30 июня и перевороту считалось поддержкой реакции на режим, установленный в результате переворота. Автор иллюстрирует выражающую подчинение реакцию ал-Азхара его заявлением, которое автор интерпретирует как поддержку призыва лидера переворота (Абдул-Фаттах ас-Сиси) к массовым протестам, чтобы предоставить ему «мандат... на борьбу с потенциальным насилием и терроризмом» после призывов ал-Азхара к диалогу.

Проработав три года над темой, посвященной улемам и Арабской весне, я считаю, что эта книга – уникальный вклад в литературу. Несмотря на то, что ат-Таййеб представляет, пожалуй, высший суннитский авторитет, большинство ученых в этой области оставили его без внимания, а несколько отчетов об ал-Азхаре сосредоточены на влиянии переворота на авторитет ал-Азхара, вместо того чтобы прежде всего анализировать политическую деятельность ат-Таййеба. Данная книга заполняет этот пробел. На мой взгляд, наиболее важным вкладом книги является введение новых данных, недоступных для большинства ученых. Проведение исследования одновременно с изучаемыми событиями предоставило автору идеальную возможность собрать данные без цензуры, поскольку многие ранее доступные заявления больше не доступны в Интернете. Не менее важные, но обычно игнорируемые данные, собранные в ходе интервью, имеют решающее значение для понимания закулисной динамики деятельности улемов на государственном уровне. Присутствие автора в Египте и широкая сеть знакомств позволили ей связаться с ведущими улемами ал-Азхара.

Что делает эту книгу успешной так это методичный подход автора к поставленным ею вопросам. Ее выбор охвата (ал-Азхар в те решающие три месяца) был удачным, поскольку драматические политические события показали, насколько структурные ограничения важны для понимания противоречий и политики улемов. Автор также не ограничила свой ана-

лиз часто цитируемыми заявлениями о перевороте, но включила все высказывания за тот период, отражая сложность ситуации и выходя за рамки односторонности многих сообщений. Кроме того, первичные выступления были дополнены необходимыми вторичными (выступлениями за пределами того периода или сделанными другими лицами). Действительно, контекстуализация текстов так же важна, как и сами тексты.

Использование автором смешанной методологии отражает ее понимание сложности проблемы. Хотя текстуальный/дискурсивный анализ по понятным причинам является преобладающим методом, используемым для изучения улемов, использование критического дискурсивного анализа (который в основном касается власти) является беспрецедентным в известной мне литературе. Объединение критического дискурсивного анализа с интервью позволило автору получить текстуальные и контекстуальные данные и представить сбалансированный анализ. Доводы книги полностью подкреплены эмпирическими доказательствами. Действительно, когда собственные выводы автора не основаны на четких эмпирических данных, она предоставляет конкурирующие возможные объяснения, признавая отсутствие четких доказательств. Наконец, предубеждение автора против политического вмешательства ал-Азхара не накладывает отпечаток на научный анализ книги, который по-прежнему строится на методичном использовании автором анализа, основанного на данных.

Основным научным недостатком книги является отсутствие отсылок к какой-либо научной литературе, теоретической или эмпирической, несмотря на множество опубликованных вторичных источников по религии (или даже конкретно об ал-Азхаре) и политике. Даже при введении критического дискурсивного анализа, теоретически обоснованной методологии, нет серьезного обзора различных школ, разработанных в этой области, и это несмотря на свободное владение автором английским языком. Это отсутствие обзора литературы можно объяснить направленностью книги на широкую читательскую аудиторию, что потребовало ради ее доступности сокращения и исключения многих академических дискуссий.

Книга также имеет ряд технических недостатков, в том числе множество языковых ошибок (орфографические ошибки и пропущенные слова). Несмотря на то, что она написана ясным, понятным языком, склонность автора пренебрегать именами людей, ограничиваясь их должностями, затрудняла детальное и внимательное чтение. Хотя я думал, что это могло

быть сделано для защиты цитируемых людей от государства, я обнаружил, что это является общей тенденцией (например, вместо «Али Гомаа, бывший муфтий» было написано «бывший муфтий»), что потребовало от меня проверки каждого источника, чтобы знать о каком человеке идет речь.

Наконец, жаль, что политические обстоятельства в Египте помешали совершенствованию книги, поскольку просьбы автора об интервью с некоторыми ведущими улемами ал-Азхара были либо полностью отклонены, либо некоторые из них давали половинчатые ответы, либо не позволяли опубликовать часть данных. Автору приходилось маневрировать во время написания, для того чтобы не навредить своим информантам, даже если они одобрили публикацию интервью.

В заключение «Саṭват ан-наṣṣ: ḫiṭāb ал-Азхар ва азмат ал-ḥукм», несмотря на свои недостатки, является ценным вкладом во вторичную академическую литературу о политике улемов в целом и политике ал-Азхара в частности. Я считаю, что литература об улемах и арабских восстаниях нуждается в систематической документации, которая может предоставить исследователям богатые данные о том, «что на самом деле произошло» в отношении политики улемов, – миссия, успешно выполненная с помощью этой книги. Подобные усилия следует дополнить дальнейшими исследованиями по той же теме или по другим улемам. Только с богатыми и систематизированными эмпирическими данными мы можем предоставить точные объяснения сложного феномена политики улемов.

МУХАММАД АМАША
МАГИСТР ГУМАНИТАРНЫХ НАУК, СОЦИОЛОГИЯ
УНИВЕРСИТЕТ МАРМАРА, СТАМБУЛ, ТУРЦИЯ